

Научная статья /
Research Article

<https://elibrary.ru/CPTBXN>
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3 (2Рос=Рус)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ БЫТ И ТВОРЧЕСТВО ПИСАТЕЛЕЙ-СОВРЕМЕННОКОВ В ЭПИСТОЛЯРНОМ ДИАЛОГЕ А.А. ИЗМАЙЛОВА С А.А. ТИХОНОВЫМ- ЛУГОВЫМ

© 2022 г. А.С. Александров

*Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия*

Дата поступления статьи: 16 декабря 2021 г.

Дата одобрения рецензентами: 02 февраля 2022 г.

Дата публикации: 25 июня 2022 г.

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-2-174-187>

Аннотация: В фокусе статьи — эпистолярный диалог писателей-современников А.А. Измайлова и А.А. Лугового — двух известных в начале XX в. литераторов. В работе рассматриваются наиболее интересные историко-литературные факты из переписки: обсуждение произведений двух писателей, факты литературного быта эпохи, интерпретации произведений коллег по перу. На основе эпистолярных материалов уточняются важные биографические факты двух современников. В работе рассматривается метод Измайлова-критика, вынужденного в силу профессии постоянно искать новые темы, продумывать структуру все новых и новых рецензий — инкорпорирование в тексты собственных рецензий чужих интерпретаций, подсказанных в частных беседах и личных письмах. В статье приводятся обширные цитаты из неопубликованных писем двух литераторов.

Ключевые слова: Измайлов, Луговой, Блок, Городецкий, критика, журналистика, рецепция.

Информация об авторе: Александр Сергеевич Александров — кандидат филологических наук, научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8611-6490>

E-mail: aspiros.83@mail.ru

Для цитирования: Александров А.С. Литературный быт и творчество писателей-современников в эпистолярном диалоге А.А. Измайлова с А.А. Тихоновым-Луговым // Studia Litterarum. 2022. Т. 7, № 2. С. 174–187.
<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-2-174-187>



This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 7, no. 2, 2022

THE LITERARY LIFE AND CREATIVITY OF CONTEMPORARY WRITERS IN THE EPISTOLAR DIALOGUE BETWEEN A.A. IZMAILOV AND A.A. TIKHONOV- LUGOVOY

© 2022. Alexander S. Alexandrov

*Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom)
of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia*

Received: December 16, 2021

Approved after reviewing: February 02, 2022

Date of publication: June 25, 2022

Abstract: The article focuses on the epistolary dialogue between A.A. Izmailov and A.A. Lugovoi, two well-known writers at the beginning of the 20th century. It deals with the most interesting historical and literary facts from the correspondence, e. g. discussion of their works, facts of the literary life of the era, interpretations of the works of brother-writers. Epistolary materials allow to clarify important biographical facts of the two contemporaries. The author examines the method of Izmailov the critic, who, by virtue of his profession, was constantly forced to look for new topics, to think over the structure of more and more new reviews, to incorporate other people's interpretations prompted in private conversations and personal letters into the texts of his own reviews. The article contains extensive quotations from unpublished letters of two writers.

Keywords: Izmailov, Lugovoi, Blok, Gorodetsky, criticism, reception, journalism.

Information about the author: Alexander S. Alexandrov, PhD in Philology, Research Assistant, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarova Emb., 4, 199034 St. Petersburg, Russia.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8611-6490>

E-mail: aspiros.83@mail.ru

For citation: Alexandrov, A.S. "The Literary Life and Creativity of Contemporary Writers in the Epistolary Dialogue between A.A. Izmailov and A.A. Tikhonov-Lugovoy." *Studia Litterarum*, vol. 7, no. 2, 2022, pp. 174–187. (In Russ.)
<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-2-174-187>

Переписка известного литературного критика и прозаика Александра Алексеевича Измайлова (1873–1921) и известного прозаика и драматурга Алексея Алексеевича Тихонова (1853–1914; более известного под псевдонимами Луговой или Тихонов-Луговой) представляет собой важный факт истории литературы. В начале XX в. эти авторы не нуждались в представлении. Ныне же оба имени требуют комментария.

Александр Алексеевич Измайлов — литературный критик, прозаик, журналист, «царь всех пародистов» [27, с. 57], получивший немалую известность при жизни, оказался на долгие годы в забвении. Его имя знали в начале XX в. «почти все пишущие, живущие в Петрограде <...> и обширные читательские круги» [16, с. 12]. Он был активным участником литературной жизни 1890–1910-х гг., тесно сотрудничал с массовой периодической печатью. В своих фельетонах он отзывался на все, что происходило в русской литературе, не пропуская буквально ни одного нового имени, ни одного хоть немного значимого события. Один только перечень имен корреспондентов, с которыми Измайлов состоял в переписке многие годы — А.А. Блок, В.Я. Брюсов, К.Д. Бальмонт, А.М. Ремизов, В.В. Розанов, Л.Н. Андреев, А.В. Амфитеатров, А.Ф. Кони, И.С. Шмелев и многие другие, — свидетельствует о том, что перед нами незаурядная личность [1, с. 149–172; 5, с. 7–34].

Чуть меньшую известность в начале XX в. имел А.А. Луговой — прозаик и публицист. Будучи выходцем из состоятельной купеческой семьи (отец писателя был лесопромышленником и владельцем винокуренного завода) [3, с. 388–400], он не пошел по стопам своего отца, а кардинально изменил фамильным традициям, вступив на литературное поприще. Пер-

вая публикация Лугового состоялась в 1884 г., о ней он вспоминал так: «Мое первое напечатанное стихотворение был перевод “из Виктора Гюго”: оно помещено с моим впервые появившимся псевдонимом “А. Луговой” в московском журнале “Россия” 15 февраля 1884 г. Случайно эта первая напечатанная моя строка говорила: “Прощайте женщине ее паденье”, — но она могла бы быть поставлена эпиграфом ко многим из моих произведений и красной нитью проходит эта мысль прощения падших чрез все мною написанное» [7, с. 117].

Дебютным прозаическим произведением стал рассказ «Не судил Бог», вышедший в январском выпуске «Вестника Европы» [20, с. 80]. По-видимому, именно в этот период Луговой осознает свое призвание; понимает, что оставшуюся жизнь он хочет заниматься именно литературным трудом, и начинает активно публиковаться в периодической печати.

«Вестник Европы», «Русская мысль», «Северный вестник», «Русское богатство», «Дело», «Начало», «Артист», «Наблюдатель», «Образование», «Нива», «Всемирная иллюстрация», «Живописное обозрение», «Новое время» — вот далеко не полный перечень изданий, где Луговой печатает свои статьи, повести и рассказы.

К начинающему литератору приходит и первый успех. Связан он был с публикацией драмы «Озимь» (1890), повестью “Pollice verso! (Добей его)” (1891), а чуть позже с появлением в печати романа «Грани жизни» (1892) — все эти произведения появились в 1890-е гг. Во многом этот успех привел Лугового в 1895 г. к редактированию одного из самых популярных еженедельников конца XIX – начала XX вв. — журнала «Нива». Впрочем, от редактуры еженедельника, дававшей прочный и стабильный доход, но в то же время обилие ежедневной рутинной работы, Луговой в 1897 г. отказался, предпочтя посвятить себя всецело литературному труду [7, с. 117].

Однако все написанное Луговым в начале XX в. не принесло автору былого успеха, который он испытал после публикации “Pollice verso!” и «Граней жизни». Все появлявшееся в печати из-под пера прозаика в этот период либо вызывало шквал критики, либо оставалось на периферии рецепции современников.

Одним из таких скандальных произведений Лугового стала повесть «Умер талант!» о даровитом литераторе, оказавшемся в нужде и ощутившем

на себе несправедливость со стороны издателей, редакторов, критиков, литературный труд которого не получил должной оценки при жизни и был оценен по достоинству только после смерти автора. Повесть вызвала широкий резонанс в прессе, получила резкие рецензии и была высмеяна в пародиях [6, с. 454–456]. Измайлов, к примеру, не соглашается с рядом тезисов Лугового, высказанных в повести «Умер талант!», оценив ее как «сплошной вопль от лица литературного неудачника» и отметив: «Вся повесть написана с чувством глубочайшего сочувствия к литератору. Это его защита от всех врагов, видимых и невидимых. Но хочется отказаться от так поставленной защиты» [10, с. 2]. В статье, опубликованной в приложении к журналу «Звезда», Измайлов развивает свои претензии к автору, не соглашаясь с Луговым по поводу его рассуждений о литературной критике: «Устами писателя-неудачника здесь проводится, например, мысль о необходимости отнять у критики полицейскую “функцию сечения бездарностей”. <...> Прямая обязанность честной критики — следить за литературой, помогать талантам находить свою дорогу <...> но не меньше прямая обязанность ее и устранять те плеве́лы, какими рискует совершенно и безнадежно зарости улица литературы, если ничто не будет указывать бездарности, бесцветности и посредственности их настоящее место» [11, с. 126–129].

Отклики Измайлова на повесть «Умер талант!» заключали в себе резкие и даже грубые упреки, что, казалось бы, делало невозможным в будущем дружеское общение двух современников. Однако Луговой, внимательно прочитав отзыв критика, не затаил злобы и первым предпринял шаги к знакомству. Об этом эпизоде Измайлов вспоминал так: «На одной из репетиций Александринского театра, среди небольшой группы посторонних, я увидел высокую, стройную фигуру автора повести. Я поймал себя на чувстве опасения, как бы кто-нибудь из литературных людей по неведению не стал нас знакомить и не создал неловкости. Каково же было мое сначала смущение, потом приятное удивление, когда Луговой сам подсел к моему столику, назвал свое имя, сказал, что знает меня, и что очень рад поговорить с человеком, который добросовестно не согласился с его обвинениями современной литературы.

— Вы меня не переубедили. Я и теперь думаю так, как думал, когда писал. Но и вы писали искренно. Ваши возражения вызваны делом, а не враждой к моей личности. Я буду отвечать всем напавшим на меня. Там

вы найдете ответ и Вам. Но это, разумеется, ничуть не мешает нам быть знакомыми. И он попросил чаю к моему столику, и мы просидели за ним и следующий антракт. Свое знакомство он скрепил дружественным письмом, где повторял то, что сказал устно» [12, с. 929].

Темами этой переписки, продлившейся с 1902 г. до сентября 1914 г. (до смерти Лугового), были насыщенная литературная жизнь двух литераторов, тесно сотрудничающих с массовой периодической печатью, специфика работы в разных изданиях, редакционные портфели и планы публикаций, деятельность в литературных кружках и обществах, обсуждение актуальных публикаций, юбилеи писателей и прочее. Самым интересным в этом обсуждении были разборы собственных текстов и произведений коллег. Луговой, проявляя готовность к открытому обсуждению своих сочинений, в то время как немногие писатели соглашались на подобный диалог с критиками, представлял собой редкое исключение.

В свою очередь и Измайлов, в начале 1900-х гг. с вниманием относящийся к творчеству Лугового, делал всевозможные комплиментарные шаги для поддержания эпистолярного диалога и укрепления деловых связей. Осенью 1903 г. он инициировал в «Биржевых ведомостях» полемику по поводу романа Лугового «Грани жизни», посвященного эволюции современной любви и мысли о допустимости супружеской измены. Коллега Измайлова Л.Е. Габрилович в своей критической заметке согласился с общим пафосом романа о допустимости свободных отношений: «Целомудрие, несомненно, растет, похотливость теряет остроту. Но это все-таки — в будущем. Пока же разбросанность желаний, которая укоренилась веками, прорывается капризами страсти, влекущими к адюльтерам и приключениям. Я вполне сочувствую Луговому и, увы, расхожусь с Измайловым. Ради грубой случайной измены, выросшей на такой почве, не стоит порывать связи, укрепленные любовной дружбой. Если женщина способна прощать, постараемся дорасти до нее. О, я знаю, что это нелегко! горько, обидно, тяжело. Но разве не обиднее порывать? Разве не бессмысленно и нелепо расходиться с преданным другом за то, что он увлекся и “согрешил”?» [9, с. 2]. Измайлов в обстоятельном фельетоне полемизировал с коллегой-критиком и самим автором романа: «Можно красиво решить в теории проблему любви, ревности. Но жизнь захохочет в лицо этому решению и разобьет его вдребезги. На измену жены нельзя теперь (и нельзя будет в будущем) смотреть как

на мелочь жизни, хотя бы и неприятную. Ревностью крепко стоит любовь, хотя само собою, есть ревность благородства и ревность ограниченной и хищной тупости» [13, с. 2].

Газетная полемика, развернувшаяся вокруг романа, вызвала отклик Лугового, который написал критику развернутое письмо, одоблив «свободное обсуждение» собственных произведений: «Свои достоинства и недостатки я и сам хорошо знаю, привык и к похвалам и к брани, и отзывчив на них лишь в очень умеренной степени. Находить единомышленников отраднo и желательно, но мне дорого и то, когда я просто встречаю отзывчивую душу, которую волнуют те же проблемы, какие стараюсь решить в моих произведениях и я. В некоторых своих героев я, конечно, вкладываю частицу своего “я”, но смешивать меня нельзя ни с кем из них. Не следует судить меня по какому-либо произведению, а только по всему, что я написал и еще напишу» [21].

Собеседники не раз возвращались в письмах к самым известным произведениям Лугового — «Граням жизни» и “Pollice verso!”. В корреспонденциях позднего периода (1908–1914) речь также шла об автобиографических произведениях Лугового — «религиозной автобиографии» «Как росла моя вера», поэмах «В бессонные ночи» и «Сказка жизни» [17; 18]. Если Луговой считал, что «со времени “Pollice verso!”» он «с каждым новым своим произведением» шел «все вперед и вперед» [24], то Измайлов придерживался скорее противоположной точки зрения.

В центре эпистолярного диалога двух современников не только произведения Лугового, но и критические отклики Измайлова, которые в 1910 г. становятся все более значимыми и заметными в информационном пространстве. Луговой высоко оценивает программную статью «На переломе: литературные размышления», в которой критик отходит от резкого неприятия и недооценки достижений символизма к признанию поэзии «смутного неуловимого». Подобные обзорные статьи становились катализатором обсуждения современного литературного процесса не только в письмах, но и при личных встречах, в рамках которых современники делились мыслями о новинках литературы.

В одну из таких встреч Луговой подсказывает Измайлову ключ к расшифровке смысла стихотворения С.М. Городецкого “Per aspera” («Ты

пришла с лицом веселым...»)¹, повествующего о судьбе падшей женщины. Финал же стихотворения, полный символической образности, ускользает от прямого прочтения, и в своем фельетоне Измайлов предлагает такую интерпретацию этого произведения: «Погибшее, но милое создание ходит и ищет в пасти улицы. Это красивый образ — пасть улицы темной, жадной, жестокой. Уже совершена одна ее жертва. И опять в тени угла “торопливым договором” она “осуждена целовать”. Эти два стиха прекрасны в своей сжатой меткости и в буйной противоречивости понятия осуждения на поцелуй. Но вот придвигается рассвет и с ним ужас ее жизненного кошмара. Жрица любви кончила с собою выстрелом из револьвера. Вы понимаете теперь, почему обуглена ее щека, почему действительно холодеет на руке капля крови, которая, скатываясь, стерла румяна. Пятна ее крови на одеяле — действительно алые розы. Кожа тонкая белая — от потери крови. “Ты Меня вчера искала, поутру Меня нашла”, говорит Тот, Чье имя мы всегда пишем с большой буквы. Тут это, конечно, Христос, у Которого находят покой все, кому не под силу жизнь» [14, с. 228].

Важные дополнения сделал Луговой и к интерпретации стихотворений А. Блока, к разбору отдельных произведений которого Измайлов обратился в фельетоне «Шифрованная поэзия». В частности, критик предложил истолкование ныне хрестоматийного стихотворения «Девушка пела в церковном хоре...» (август 1905 г.), пытаясь объяснить его смысл проекцией поэтической образности на реальные события: «Смысл этого стихотворения нам совершенно ясен? Не совсем. Попробуйте понять его, предположив, что при нем есть примечание, приурочивающее его ко времени ухода нашего флота на войну. Богослужение... Девушка на клиросе, в хоре... Радостное настроение веры и надежды... Флот благополучен... Только там, у Царских Врат, плачет сейчас причащенный ребенок. Плачет потому, что знает тайну — из ушедших никто не вернется» [19, с. 2–3]². Современник событий Русско-японской войны, Измайлов не стал проводить прямые аналогии между содержанием стихотворения и конкретными историческими реалиями, ограничившись общим указанием на войну и трагедию, постигшую рус-

1 Об этом см. примечание в книге «Помрачение божков и новые кумиры», где фельетон Измайлова был переиздан: «Я едва ли совершу нескромность, отметив, что предложенное истолкование высказано А.А. Луговым в одной из частных со мною бесед...» [14, с. 228].

2 Подробно этот сюжет рассмотрен в статье: [2, с. 237–243].

ских моряков. Уже современные исследователи, ориентируясь, по-видимому, на замечания Измайлова, а также владея всем сводом биографических данных (эпистолярный, записные книжки и дневники), соотнесли содержание этого стихотворения с драматическими событиями 14–15 мая 1905 г. — гибелью 2-й русской эскадры Тихоокеанского флота в морском сражении при Цусиме³.

Инкорпорируя часть своего фельетона в книгу «Помрачение божков и новые кумиры» (1910), Измайлов дополнил его еще одним соображением относительно заключительной строфы стихотворения:

И голос был сладок, и луч был тонок,
И только высоко, у Царских Врат,
Причастный Тайнам, — плакал ребенок
О том, что никто не придет назад.

[8, с. 64]

Сохраняя свой комментарий, суть которого в том, что здесь изображен «причастный ребенок», который «плачет потому, что знает тайну — из ушедших никто не вернется», критик делает к нему подстрочное примечание, где выдвигает предположение о том, что в последних строках зашифровано описание иконы Богоматери с младенцем Христом: «Может быть, “причастный тайнам”, знающий все тайны грядущего — Христос, изображенный в виде ребенка на руках Богоматери, у царских врат»⁴.

Эта мысль была подсказана Измайлову его эпистолярным собеседником А.А. Луговым [14, с. 228], письмо которого от 27 февраля 1908 г. с комментариями к блоковским стихотворениям сохранилось в архиве критика. В нем, в частности, сообщалось: «С большим интересом прочитал я

3 См.: [8, с. 645–646]. Ср. также: «Но мало кто, видимо, связывает это стихотворение, написанное в августе 1905 года, с событиями русско-японской войны. В самом деле, о чем поет девушка? Об ушедших в море кораблях, о людях, оставшихся на чужбине и забывших “радость свою”. <...> Блок написал стихотворение (и, кстати, написал быстро, черновик его в записной книжке не дает существенных разночтений) через одиннадцать месяцев после того, как из Любавы вышла русская эскадра для следования к берегам Японии, и через три месяца после Цусимского сражения» [4, с. 56].

4 Ср.: «Едва ли совершу нескромность, отметив, что предложенное истолкование высказано А.А. Луговым в одной из частных со мной бесед, как и далее, — предлагаемая его комментарий из частных писем к пьеске Блока о Христе-младенце» [14, с. 229].

в “Слове” Ваш фельетон “Шифрованная поэзия” и с удовольствием увидел, что мое толкование стихотворения Городецкого принято Вами во всем его объеме. Вероятно, и на других стихотворениях Городецкого у нас не встретилось бы разномыслия. А вот что касается Александра Блока, то я с удовольствием готов применять к нему — во всем его объеме — цитируемое Вами базедовское изречение, хотя это кощунство — применять к Блоку что бы то ни было сказанное о Канте⁵. Я, например, не берусь толковать приведенное Вами его стихотворение, но и с тем объяснением, которое даете Вы, не могу вполне согласиться. О девушке, о флоте, Вы может быть совершенно правы, хотя, может быть, это кто-нибудь истолкует и иначе (как я сейчас покажу Вам на втором цитируемом Вами стихотворении), — но я, например, совсем иначе понимаю слова о ребенке: это не ребенок причастившийся и стоящий у Царских врат. По-моему, это — Христос Причастный Тайнам — знающий все тайны грядущего, Христос, изображенный в виде ребенка на руках Богоматери, высоко на иконе у Царских врат, — это Христос плачет» [26].

Вынужденный в силу профессии постоянно искать новые темы, продумывать структуру все новых и новых рецензий, Измайлов с большим вниманием относился к суждениям беллетристов, с которыми состоял в обширной переписке. Инкорпорирование в тексты собственных рецензий чужих интерпретаций, подсказанных в частных беседах, развернутых комментариев из личных писем было важным методом в работе критика. Речь ни в коей мере не идет о присвоении Измайловым чужих мыслей, он всегда скрупулезно и педантично делал в своих обзорах ремарки с благодарностью советчику, выражал признательность в личных корреспонденциях, а также спрашивал разрешение о включении разного рода размышлений о литературе своих коллег по перу. «Я гарантировал бы человечеству статью если не гениальным, то, безусловно, интересным критиком, если бы люди, подобные Вам, почаще толкали мою мысль и делали мне те подсказки, какие сделали Вы» — так благодарил критик Лугового за его комментарии к фельетону [22].

5 Фельетон Измайлова написан в форме диалога критика с приятелем-дилетантом, репликой которого и начинается разговор: «Помните анекдот про педагога Базедова? Он брался осилить какой угодно новый предмет в две недели. Ему дали “Критику чистого разума” — Канта. Он попробовал читать и швырнул книгу в угол сказав: “Qui nou vult intellegi, non debet legi” (Кто не хочет быть понятым, того и читать не стоит)» [19, с. 2].

В письмах 1908–1914 гг. нет бурного обсуждения художественных произведений — выходящих новинок коллег-писателей и собственных произведений эпистолярных собеседников, но наличествует масса уникальных деталей литературного быта эпохи. Так в письмах августа 1908 г. заходит речь о 80-летнем юбилее Л.Н. Толстого; Измайлов приглашает Лугового принять участие в коллективной анкете, ответы на которую были опубликованы в вечернем выпуске «Биржевых ведомостей», вышедшем 28 августа 1908 г., в день 80-летия Л. Толстого⁶. Луговой ответил на приглашение категорическим отказом, выявив в ответном письме свою позицию по отношению к «великому писателю земли русской»: «...ни слова о Толстом. Я в свое время получил от Г.К. Градовского приглашение принять участие в бюро “съезда печати для чествования Толстого”, но отказался, мотивируя свой отказ тем, что я всегда относился к проповедничеству Толстого отрицательно. Еще после моей поездки к голодающим в Тульскую губернию в 1891 г. я написал статью против Толстого, которую Нотович не пожелал напечатать. Выступать теперь против Толстого я считаю неуместным, тем более, что его, с этим юбилеем, опакостили разные “истинно русские” и “преподобные” хулиганы. Поэтому ни за подписью, ни в виде интервью я ничего не скажу о Толстом ко дню его 80-летия. А жизнь кругом интереснее Толстого» [23].

А в начале 1909 г. отмечался юбилей самого Лугового — 25-летие его литературной деятельности: фотографии писателя появились в ведущих газетах страны, были опубликованы поздравления; Измайлов посвятил Луговому несколько комплементарных фельетонов. Юбилейные заметки о писателе запестрили биографическими сведениями, полными разных неточностей. В письмах к Измайлову Луговой уточнил ряд данных своего жизненного пути, указав, в частности, что взял псевдоним, чтобы его не путали с «братом Владимиром, начавшим печататься несколько раньше <...> под собственной фамилией»; а псевдоним Луговой никак не связан с местом жизни писателя с 1891 г. — городом Лугой — а происходит «от лугового берега Волги, на котором стоит Казань» [25].

Показательно, что, откликаясь на протяжении многих лет на творчество Лугового, Измайлов не стал помещать его статью-портрет ни в одну из

6 Записи сопровождалась факсимильными подписями. Среди авторов были: И.И. Ясинский, К.С. Баранцевич, С.А. Венгеров, А.И. Куприн, П.М. Нежежин, В.Я. Светлов, В.А. Тихонов, К.М. Фофанов [15, с. 1–2]. В данной публикации Луговой участие не принял.

своих книг о писателях-современниках «Литературный Олимп» (М., 1911) или «Пестрые знамена: Литературный портреты безвременья» (М., 1913). Объяснение нашлось в обстоятельной статье-некрологе, где критик, в частности, отмечал: «Приходилось читать почти все, что он писал, но меня он не зажигал, не захватывал, не интересовал ярко. По прочтении мысль не останавливалась надолго на прочтенном. Не запоминалась прочно фабула, тип, меткое слово. <...> Встреча с ним, письмо от него каждый раз, маленькая радость. Может быть, только в самые ранние дни знакомства я испытал на себе такое любопытство к Луговому. Потом его не стало» [12, с. 920]. Луговой умер осенью 1914 г., похоронен был, как недавно удалось установить, на Бревском кладбище в Луге. Могила писателя не сохранилась.

Список литературы

Исследования

- 1 Александров А.С. Александр Алексеевич Измайлов (по архивным материалам) // Контекст-2013. М.: ИМЛИ РАН, 2013. С. 149–172.
- 2 Александров А.С., Грякалова Н.Ю. А.А. Блок в критической рецепции А.А. Измайлова // Александр Блок: Исследования и материалы / отв. ред. Н.Ю. Грякалова. СПб.: Пушкинский Дом, 2020. Т. 6. С. 237–243.
- 3 Букчин С.В., Чанцев А.В. А.А. Луговой // Русские писатели. 1800–1917: биографический словарь / гл. ред. П.А. Николаев. М.: Сов. энциклопедия, 1994. Т. 3. 590 с.
- 4 Долгополов Л.К. Поэмы Блока и русская поэма конца XIX – начала XX веков. М.; Л.: Наука, 1964. 189 с.
- 5 Измайлов А.А.: Переписка с современниками / сост., вступ. ст. А.С. Александрова; предисл., подгот. текстов и примеч. А.С. Александрова, Э.К. Александровой, Н.Ю. Грякаловой. СПб.: Пушкинский Дом, 2017. 738 с.
- 6 Крылов В.Н. Комические формы и приемы в массовой газетно-журнальной критике начала XX века // Писатель – критика – читатель: (Механизмы формирования литературной репутации в России во второй половине XIX – первой трети XX вв.) / отв. ред. А.С. Александров. СПб.: Росток, 2022. С. 454–456.

Источники

- 7 [Б. п.]. [Луговой А.А.]. А.А. Луговой: Листки из автобиографии // Нива. 1909. № 6. С. 117.
- 8 Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. М.: Наука, 1997. Т. 2: Стихотворения (1904–1908). 894 с.

- 9 *Дюруа де-Кантель [Габрилович Л.Е.]*. Измена // Биржевые ведомости. Утр. вып. 1903. 11 сент. С. 2.
- 10 *Измайлов А.* Литература: О некоторых литературных суевериях // Биржевые ведомости. 1902. 8 июля (№ 183). С. 2.
- 11 *Измайлов А.А.* Литературные заметки: [Повесть А.А. Лугового «Умер талант!».— Указание в ней серьезных аномалий современной литературной жизни.— Холодные выстрелы г. Лугового] // Библиотека «Звезды». 1902. Кн. 9. С. 126–129.
- 12 *Измайлов А.А.* А.А. Луговой: (Литературная характеристика) // Исторический вестник. 1914. Т. 138. С. 919–934.
- 13 *Измайлов А.А.* О женской измене и новой любви // Биржевые ведомости. Веч. вып. 1903. 13 сент. № 454. С. 2.
- 14 *Измайлов А.А.* Помрачение божков и новые кумиры: Книга о новых веяниях в литературе. М., 1910. 251 с.
- 15 К 80-летию Л.Н. Толстого: [анкета] // Биржевые ведомости. Веч. вып. 1908. 28 авг. № 10678. С. 1–2.
- 16 *Кауфман А.* Памяти А.А. Измайлова // Вестник литературы. 1921. № 3 (27). С. 12.
- 17 *Луговой А.* В ночи бессонные: поэма в прозе // Слово. 1908. 7 дек. № 643. С. 2–3.
- 18 *Луговой А.* Сказка жизни: драматическая поэма // Образование. 1908. № 9–10. С. 124–150.
- 19 *Неблагодарный читатель [Измайлов А.А.]*. Шифрованная поэзия (Новые веяния в поэзии. — Городецкий, Блок) // Слово. 1908. 22 февр. № 387. С. 2–3.
- 20 Первые литературные шаги: Автобиогр. соврем. рус. писателей / собр. Ф.Ф. Фидлер. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1911. 268 с.
- 21 Письмо А.А. Лугового к А.А. Измайлову от сентября 1903 г. // РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 182. Л. 2–3 об.
- 22 Письмо А.А. Измайлова к А.А. Луговому от 29 февраля 1908 г. // РО ИРЛИ. 7304 XL 11б 48. Л. 21.
- 23 Письмо А.А. Лугового к А.А. Измайлову от 13 августа 1908 г. // РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 325. Л. 9.
- 24 Письмо А.А. Лугового к А.А. Измайлову от 24 февраля 1909 г. // РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 182. Л. 6–7 об.
- 25 Письмо А.А. Лугового к А.А. Измайлову от 16 февраля 1909 г. // РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 325. Л. 10–11.
- 26 Письмо А.А. Лугового к А.А. Измайлову от 27 февраля 1908 г. // РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 182. Л. 4–5 об.
- 27 *Чуковский К.И.* Нат Пинкертон и современная литература // *Чуковский К.И.* Собр. соч.: в 15 т. М.: Агентство ФТМ, Лтд, 2012. Т. 7. С. 25–64.

References

- 1 Aleksandrov, A.S. “Aleksandr Alekseevich Izmailov (po arkhivnym materialam)” [“Alexander Alekseevich Izmailov (Based on Archival Materials)”]. *Kontekst-2013* [Context-2013]. Moscow, IWL RAS Publ., 2013, pp. 149–172. (In Russ.)
- 2 Aleksandrov, A.S., Griakalova, N.Iu. “A.A. Blok v kriticheskoi retseptsii A.A. Izmailova” [“A.A. Blok in the Critical Reception of A.A. Izmailov”]. *Aleksandr Blok: Issledovaniia i materialy* [Alexander Blok: Research and Materials], vol. 6. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2020, pp. 237–243. (In Russ.)
- 3 Bukchin, S.V., Chantsev, A.V. “A.A. Lugovoi” [“A.A. Lugovoi”]. Nikolaev, P.A., editor. *Russkie pisateli, 1800–1917: biograficheskii slovar'* [Russian Writers, 1800–1917: Biographical Dictionary], vol. 3. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1994. 590 p. (In Russ.)
- 4 Dolgoplov, L.K. *Poemy Bloka i russkaia poema kontsa XIX – nachala XX vekov* [Blok's Poems and Russian Poem of the Late 19th – Early 20th Centuries]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1964. 189 p. (In Russ.)
- 5 *Izmailov A.A.: Perepiska s sovremennikami* [Izmailov A.A.: Correspondence with Contemporaries], comp., foreword by A.S. Aleksandrov, introd., text prep. and notes by A.S. Aleksandrov, E.K. Aleksandrova, N.Iu. Griakalova. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2017. 738 p. (In Russ.)
- 6 Krylov, V.N. “Komicheskie formy i priemy v massovoi gazetno-zhurnal'noi kritike nachala XX veka” [“Comic Forms and Techniques in Mass Newspaper and Magazine Criticism at the Beginning of the 20th Century”]. Aleksandrov, A.S., editor. *Pisatel' – kritika – chitalel': (Mekhanizmy formirovaniia literaturnoi reputatsii v Rossii vo vtoroi polovine XIX – pervoi treti XX vv.)* [Writer – Criticism – Reader: (Mechanisms for the Formation of Literary Reputation in Russia in the Second Half of the 19th – the First Third of the 20th Centuries)]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2022, pp. 454–456. (In Russ.)